

63.3 (2Р36-4КУР)

п 55

100000

марафонский поэтический
конкурс «Большой Фонд»

от составителей

ПОМНИ ВОЙНУ

Том IV

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Курганская областная библиотека им.
А. К. Юргола 2004

Книгохранилище

002К

К03(07)

Посвящается 60-летию Победы
в Великой Отечественной войне

ПОМНИ ВОЙНУ
Том IV
Детство, опаленное войной

Книга издана по инициативе Губернатора
Курганской области О.А.Богомолова

Составители: А.И.Букреев, В.А.Есетов

Администрация Курганской области, составители выражают искреннюю признательность воспитанникам и воспитателям детских домов, журналистам, краеведам, работникам архивов – всем, кто проявил заинтересованное участие в подготовке к изданию этой книги.

Сборник отражает героические и трагические страницы истории области, показывает лучшие качества Зауральцев: мужество, трудолюбие, милосердие, сострадание, готовность прийти на помощь в трудную минуту. Книга рассчитана на все категории читателей и может быть использована при изучении истории родного края в учебных заведениях области.

ISBN 5-86047-181-5

ПЕРШИНСКИЙ ИНТЕРНАТ ЛЕНИНГРАДСКИХ ДЕТЕЙ

В суровые годы Великой Отечественной войны многие сотни тысяч детей ленинградцев были организованно эвакуированы в восточные районы страны. Всем им были созданы условия для обучения в обязательной в то время неполной средней школе и продолжения образования в ремесленных и профтехнических училищах, а в ряде мест – в техникумах и средней общеобразовательной школе.

После окончания войны подавляющее большинство ленинградцев вернулось на родину, где в качестве учащихся, а позже и выпускников школ принял участие в восстановлении родного города.

В этом очерке, по воспоминаниям и документам, рассказано о жизни и быте ленинградских детей, по преимуществу бывших учащихся 23 школы Октябрьского района Ленинграда, воспитывавшихся в годы войны в интернате села Першинского Далматовского района Курганской области, под руководством выдающегося педагога-организатора Ольги Михайловны Бурмистровой. В Зауралье выехало 178 детей.

По прибытию в Челябинск областная комиссия по распределению эвакуированных детей не могла подыскать одного сельского населенного пункта, где можно было бы разместить около 200 человек (детей и персонала) одновременно. Поэтому было решено направить их в два детских учреждения – Першинский и Смирновский Далматовского района.

Предполагалось Першинский интернат организовать как школьный, а Смирновский – смешанным, состоящим из группы дошкольников и одной группы старших школьников, выделенных для помощи в обслуживании

малышей. Однако в «чистом» виде этого не получилось. В Першинском интернате оказалось 4 дошкольника – дети воспитателей интерната, в то время как в Смирновском интернате включено 15 младших школьников, чего по идее комплектования не планировалось. Объясняется эта «неувязка» тем, что организаторы интернатов решили оставить в одном каком-либо интернате со своими старшими братьями и сестрами их младших братишек и сестренок.

Однако и в этом гуманном, принципиально желательном распределении, оказалась вторая и притом более существенная «неувязка»: в четырех случаях малыши оказались разъединенными со своими старшими братьями и сестрами (Иванов Юра, Налетова Аля, Обухов Аркадий и Чекалов Коля). Малыши оказались в Смирновском интернате, а их старшие братья и сестры – в Першинском интернате. Это разъединение произошло случайно, по причине большой спешки, и не вызывалось никакими объективными обстоятельствами; их старших братьев и сестер без затруднений можно было бы оставить в Смирновском интернате, а из последнего перевести в Першинский интернат «одиночек» – младших школьников: Журавлева Бориса – 3 класса, Михлина Бориса – 1 класса, Рудовинскую Нону – 3 класса и Слонимского Гену – 1 класса.

Малыши, оставшись без своих старших братьев и сестер, не только загрустили, но некоторые из них получили травмы на нервной почве. Рассказывает Соня Налетова. Ее сестренку Алю 3,5 лет направили в Смирнову. Результат: Аля стала заикаться. Другие малыши такого рода изоляцию перенесли легче. Для предотвращения подобных явлений следовало бы организовать периодические свидания с малышками их старших братьев и сестер, находившихся в другом интернате. Но в те бурные и тягостные дни это никому и в голову не

приходило. Отсутствие общественного транспорта довершало дело.

Першинский интернат с 81 воспитанником и утвержденным штатом обслуживающего персонала в количестве 10 человек возглавила Ольга Михайловна Бурмистрова. Директором Смирновского интерната Челябинским обложено было назначена Эсфирь Григорьевна Цейтлин. В ее интернате состояло 44 дошкольника, 15 младших и 38 старших школьников, всего 97 человек.

Они заменили эвакуированным из Ленинграда детям родителей в грозные годы войны: директор Затеченского дома-интерната Гликерия Михайловна Погодина, директор Першинского интерната Ольга Михайловна Бурмистрова, первый секретарь Далматовского райкома партии Бронислава Григорьевна Лемешенко, заместитель председателя райисполкома Мария Васильевна Поплавская и директор Тамакульского интерната Евгения Ивановна Наумова.

Оба эти интерната находились на территории Далматовского района, в то время Челябинской области, а с 1943 года, с образованием Курганской области, Дал-

матовский район выделился из состава Челябинской и передан в Кургансскую область.

Село Смирново находится в 18 километрах к северу от районного центра, а село Першинское в 23 километрах к югу от Далматова. Таким образом, оба интерната разделяла 41-километровая проселочная дорога. Это расстояние нельзя считать большим, но при бездорожье, на лошадях, требовало двух полных дней. В условиях военного времени оно оказалось практически не преодолимым из-за отсутствия транспортных средств у обоих интернатов.

Интернат прибыл в Челябинск 4 декабря 1941 года. После пятидневного пребывания в Челябинске в тех же теплушках воспитанники поехали к месту назначения, до станции Далматово, куда прибыли 11 декабря, покрыв расстояние в 220 километров за два дня (средняя скорость 110 километров в сутки!) Прибывшие были встречены председателем Далматовского райисполкома Поплавской Марией Васильевной, которая позабочилась о временном размещении детей до отправки к месту жительства, организовав питание. В то время в здешних краях стояли лютые 30-35-градусные морозы. А дети прибыли в летней обуви, а некоторые – даже в летней одежде!

Дня полтора теплушки с детьми стояли на железнодорожной станции, после чего воспитанников переселили в здание средней школы. Там они провели 2-3 дня, пока их не отправили в Першино. Особенно тягостным было пребывание в полухолодном помещении Далматовской средней школы, где спать детям приходилось на партах и на этих же партах обедать.

Далматовские организации позвонили в Першино (благо, село было телефонизировано) и распорядились о том, чтобы першинские колхозы выслали подводы для перевозки детей, притом обязательно с теплой одеждой.

Рассказывают першинцы. По селу начался сбор шуб, тулупов, «яг» (дох из собачьих шкур), валенок, шапок и рукавиц. Каждый подводчик – а им были женщины или подростки, – получив теплые вещи, должен был по приезде возвратить их, не перепутав, владельцам. Село было оповещено о том, что в Першино привезут детей из блокадного Ленинграда, и каждая семья считала своим долгом принять посильное участие во встрече детей.

Столичным детям и во сне не снилось, насколько теплы «яга» или тулуп, в которые возницы заботливо укутали своих «пассажиров». В больших меховых мухоморских рукавицах, известных лишь по некрасовскому стихотворению, в меховых шапках-ушанках, в валенках с детских и взрослых ног, дети почувствовали себя настолько уютно и тепло, что некоторые, намучившись в Далматово, успели даже поспать.

Для поездки из Далматова в Першино был избран не кратчайший путь по Тобольской дороге, а несколько окружной, через селения Затечу и Ключи. В этих селах по дороге можно было сделать две остановки, чтобы отогреть детей. Население этих сел было также заранее оповещено о проезде ленинградцев и, в полном смысле слова, тепло встретило детей. Их не только обогрели, но и накормили.

По приезде в Першино произошла столь же теплая встреча. Детей разместили в заранее отведенные помещения, правда, не меблированные и недостаточно хорошо прибранные. Зато першинцы, чем могли, хорошо накормили измученных зимней дорогой путешественников.

Директор интерната Ольга Михайловна Бурмистрова вспоминала: «Как снег на голову свалился наш интернат на Першино. О нашем прибытии узнали здесь за 3-4 дня. На что можно было рассчитывать, отправляя детей в это село в условиях напряженного военно-

го времени, в момент, когда судьба страны решалась в битве под Москвой? Что могли сделать районные и местные организации в такой срок при отсутствии в селе мужской рабочей силы, продовольственных запасов и бытовых услуг?

Детей и персонал интерната нужно было поместить в теплое жилье, три раза ежедневно накормить и напоить, а воспитанников, кроме того, обуть и одеть в зимнюю одежду, организовать учебу и занять их досуг сдержантельно и целенаправленно. Эти тяготы и заботы легли на плечи первого интернатского персонала и его руководителя. Все это вспоминается как тяжелый сон. Невольно удивляешься неизмеримой выдержке и стойкости всех членов коллектива, от мала до велика».

К чести першинцев, они проявили высокую степень гражданственности в то время, когда село уже приютило до 50 человек, эвакуированных из Москвы офицерских семей с малолетними детьми.

«Я была поражена искренним сочувствием першинцев к нам, ленинградцам, - вспоминала воспитательница интерната Вера Борисовна Оршанская. – Я выехала из Ленинграда, уже блокированного, и была сильно истощена голодом. У меня был еще грудной ребенок, а муж – на фронте».

Встретили нас большим караваем хлеба. Было так неожиданно для нас. И мы видели сердечность приема и искреннее сочувствие к нашей беде.

Поселили нас у бабушки Александры Васильевны Ивановских. Помню, как другая полная женщина носила мне молоко и даже хлеб, отпаивала и откармливала меня. Все это делалось от всей души».

Что представляли собой здания, в которых размещался интернат? Два дома – бывшие поповские, а третий – бывший кулацкий. Ни один из них по внутреннему расположению комнат не предназначался и не переоборудовался для общежитий.

Именуемое интернатом «белое здание» (першицы называли его «белая школа») – двухэтажный каменный бывший дом попа, стоящий близ обрыва из желтоватой опоки, около Озерка (древней речной старицы), использовался интернатом следующим образом: в нижнем этаже – кухня, столовая и кладовка для продуктов; верхний этаж: комната для девочек 4-5 классов, в которой огорожен был уголок для «директорской квартиры» площадью 3-3,5 квадратных метра, на которых едва располагались железная кровать и крохотный столик; небольшой залец для интернатской самодеятельности и собраний с прилегающей небольшой комнаткой. Никакой передней («прихожей»), раздевалки не было ни в «зале», ни в столовой; приходилось те же комнаты использовать и для снятой одежды.

«Красное здание» - дом правления колхоза имени Челюскинцев – двухэтажный каменный бывший кулацкий (Корелинский) дом стоит под «горой», у переезда через пересыхающий летом Половинный лог.

Получить помещения для жилья – это начало дела, хотя и первостепенное. Требовалось его оборудовать и приспособить для длительного проживания детей, сделав это в кратчайший срок. При этом надо иметь в виду, что такого рода работы должны были быть выполнены не в городских условиях, а в сельской местности и в период напряженного военного положения. Надо было все вопросы быта интерната решать одновременно и срочно.

Чем топить? Никто нас не ждал и дров для нашего интерната никто не потрудился запасти заблаговременно. Никакой возможности не представлялось и сейчас их заготовить путем найма дроворубов, так как село было «бездлюдным», точнее: все трудоспособное население, в основном женщины, а также и подростки, были привлечены к многочисленным колхозным и другим работам. Оставалось одно: интернатцам самим брать в

руки топор и пилу, идти в заснеженный лес и самим заготовлять дрова. Ни пилы, ни топора, ни достаточного количества теплой обуви и одежды – валенок, рукавиц и шапок - у интерната не было. Но дрова были нужны! Для первых дней сельский Совет «нашел» дрова: взял их у школы и колхоза, но это – только для приема интерната. В дальнейшем интернату нужно было отапливать 3 здания с одиннадцатью печами (7 круглых, 2 русских печи и 2 камина), хлебопекарню, кухню и баню. Греха таить нечего, деревянные заборы вокруг общежития старших детей ушли в печи в первую очередь – не замерзать же детям! Но это не было выходом из положения. Нужны были дрова и много дров! Особенно много их «поедали» хлебопекарня и кухня с двумя плитами.

Всю зиму и весну 1942 года дети с воспитателями ежедневно ходили по глубокому снегу в лес и спиливали березы на лесной делянке, отведенной лесником в Половинском логу в сельской поскотине. На эту заготовку дров дети одевались по-зимнему: если у кого не было своих теплых вещей, то надевали валенки, полушибки, рукавицы и шапки товарищей. Воспитатели строго следили за тем, чтобы никто не допускал легкомыслия в этом вопросе. Для валки берез с корня чаще всего использовались воскресенья, но иногда приходилось «прихватывать» и рабочие дни. Во время массовой весенней заготовки дров впрок спиливание берез с корня поручалось самым сильным воспитанникам; малыши обычно обрубали сучья со сваленных деревьев, а распиловку их на дрова выполняли дети средних классов школы.

То, что пилили и рубили зимой в лесу, это еще были не дрова. Нужно было притащить их в село, к интернату и там разрубить и разделать на дрова. Лошадь для подвозки срубленных берез интернату выдавали не всегда, и потому чаще всего приходилось на себе тащить их, волоча по снежной дороге.

Ценой каких усилий заготавлялось в такую зиму топливо для нужд интерната! Но... заготавлялось, и дети не мерзли.

Привожу скучные слова из акта обследования интерната: «На 13.11.42г. в интернате имелось 5 возов дров (это на 14 печей!). Заготовленных дров в лесу нет. Возятся (следовало бы добавить: возятся на плечах девочек и мальчиков) дрова прямо с корня». Да, именно: с корня, да так, «сырником», и топились.

- Весной же, в сухую погоду, - рассказывали першицы, - поднимались облака пыли по улице Подкалиновой.

По поводу заготовки дров рассказывает бывшая воспитанница Надя Соловьевна (а теперь – Виноградова Надежда Яковлевна):

« Мы, вооруженные плохо наточенными топорами, разгребаем снег, выбираем березку потоньше, чтобы ее было легче срубить. В каждый новый приход в лес мы опять же выбираем самые тонкие деревья. На самом же деле, с каждым разом оставшиеся деревья оказывались более толстыми, и чем дальше, тем толще и толще. Но из тонких березок и дров получалось меньше. Хлеб не пекся, котел на кухне не закипал! Снова та же группа идет в лес и снова, теперь уже в спешном порядке, заготавливает дрова. А за то, что поленились с одного раза принести нужное количество леса, получает еще и наказание».

Только летом 1942 года интернат приобрел нужный инструмент и своевременно приступил к заготовке дров на будущий год. Подвозку их к общежитиям и кухне осуществляли шефствующие над интернатом першинские колхозы. Во все последующие годы существования ленинградского интерната в Першино ему приходилось самому заготавливать дрова. Для детей это – нелегкая работа. Ее хорошо помнят все бывшие воспитанники интерната.

«Запомнилось, как мы рубили березы, - писала Софья Евдокимова, в то время Соня Налетова, 10-летняя девочка, ученица 3-го класса. – Пилили березы с корня, потом обрубали сучья и волоком тащили их к столовой».

Подготовку уроков, проведение выходных дней, дошкольных и послешкольных часов, а также сон детей приходилось совмещать в одних и тех же комнатах, исключая общежитие старшей группы.

Першино не случайно далматовскими организациями было выбрано в качестве резиденции интерната ленинградских детей. В этом селе не один год в летнее время развертывался районный пионерский лагерь.

19 июня 1945 года уполномоченный Ленсовета по резакуации ленинградских детей дал директиву интернатам Далматовского, Шадринского и других районов подготовить списки возвращающихся детей. Было указано, что круглых сирот моложе 14 лет в Ленинград не отправлять, а оставить в Крутихинском детском доме, специально реформированном для этих детей.

Резакированных воспитанников – ленинградцев, проживавших в интернатах Далматовского, Шадринского и других районов Курганской области, отправляли специальным маршрутным поездом.

По приезде в Далматово воспитанники Першинского интерната разместились в средней школе – там же, где они находились по приезде из Поречья-Рыбного с 12 по 15 декабря 1941 года.

Самым тяжелым было расставание с теми воспитанниками, которые не могли быть взяты в Ленинград. Сцена расставания оказалась поистине потрясающей: плакали и воспитатели, и остающиеся дети.

Будучи в сельской местности в течение четырех лет, дети Ленинграда не опустились, не стали «деревенскими» в худшем смысле этого слова. Все они могли успешно продолжать образование в объеме обязатель-

ной в то время неполной средней школы. Першинская сельская семилетка, пополненная ленинградскими и московскими учителями, их не подвела.

«Я благодарна интернату за то, что он воспитал в нас чувство товарищества, дружбы, «чувства локтя». Мы знали и чувствовали, что наше спасение в солидарности. Мы бережно и дружелюбно относились друг к другу. Дух дружбы, человеческого отношения друг к другу в нас вложил интернат», - так рассказывала бывшая воспитанница интерната Соловьева Надежда Яковлевна на одной из встреч бывших сотрудников и воспитанников – першинцев.

Она же добавила: «Война воспитала у наших ленинградских ребят дружбу между собой. А какие мы были патриоты!»

Надо полагать, что высказана общая мысль всех бывших воспитанников. А это значит многое. В этом – величайшая заслуга Першинского интерната.

Но больше, чем семилетнее образование, Першино дать не могло. В этом, конечно, большой минус села. Поэтому большинство старших воспитанников вынуждено идти в ремесленные училища. Только немногие, после этих училищ, сумели окончить полную среднюю школу или техникум. Высшее же образование стало уделом единиц.

Дошкольники и «младшие», обучавшиеся в начальных классах и до окончания семилетки, не потеряли ничего: по возвращении в Ленинград они продолжали обучение до получения полного среднего образования, и большинство из них закончило высшие учебные заведения.

Михаил Бирюков